

12+

Михаил Старостин

Непривитые

Михаил Старостин

Непривитые

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Старостин М.

Непривитые / М. Старостин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В ближайшем будущем люди разделятся на привитых и не привитых. "Непривитые" ограничены в правах, находятся на особом контроле и считаются социально опасными. Однажды непривитый Степан решает заехать в квартиру своих родителей и тут все начинает идти не по плану.

Я свободен! Удивительный привкус во рту от этих двух волшебных слов. Даже если это обман, даже если я сплю – пусть. Я хочу думать, хочу верить, что я свободен! Разве мог я раньше представить, что настанет день, когда я сяду и напишу вот это все.

Воспоминания о прошлом всегда навевали на меня тоску. Я никогда не мог понять тех, кто любит понастальгировать о далеком детстве, ушедшей юности и первой любви. Кто хотел бы хоть на минутку вернуться назад, получить шанс что-то исправить, прожить снова и снова тот счастливый миг. Я не стыдился своего прошлого, оно не пугало меня, но я ни за что не согласился бы пройти еще раз хоть один отрезок того пути, что уже преодолел. Все мои мысли всегда были направлены в будущее, там были мои надежды, мои мечты. Там я черпал силы, чтобы идти, не оглядываясь, вперед.

Когда я понял, что мне не удастся отвертеться и все таки придется съездить на старую квартиру, то впал в хандру. В таких случаях, я стараюсь как можно скорее расквитаться с трудным делом, чтобы мое драгоценное будущее не осквернялось никакими неприятностями.

На повороте с шоссе стоял ПКГО – пункт контроля гражданской ответственности. Раньше здесь был универсам, а теперь вот отстроили это новомодное учреждение. Видимо, сработал бактериометр, один из тех, что совсем недавно начали устанавливать на центральных улицах. Светофор прямо у меня под носом включил режим полной остановки и на табло загорелся номер моей машины. Автомобиль сам прижался к обочине и я, сделав три глубоких вдоха, и изгнав из мозга матерные слова, подошел к центральному входу.

«Пройдите через боковой вход в кабинет Н-21 на первом этаже» – прочел я бегущую строчку на стеклянных дверях. Прохожие принялись подозрительно меня разглядывать. Через боковую дверь обычно направляют нарушителей или ПБЛ – психически безответственных людей. Но я ничего не нарушал и отметки о психической безответственности, насколько мне известно, в моей личке до сих пор тоже не было. Впрочем, в этом никогда нельзя быть уверенным. Отметка делается без уведомления.

В кабинете Н-21 меня встретил улыбчивый парень с типичным для прививочных чиновников бессмысленным взглядом.

– Заходите. Приложите Личную карточку к сканеру. – Произнес резким голосом, никак не вяжущимся с несмыслимой улыбкой, хозяин кабинета. – Так, так, значит вы зарегистрировали свою антисоциальную позицию и считаете, что можете преспокойно пользоваться всеми преимуществами нашего развитого общества, оставаясь опаснейшим его членом.

– Ничего я не считаю, просто мои родители отказались от всех прививок, когда я еще был маленьким и не мог ничего решать, а теперь уже не вижу смысла ничего менять. – Это был мой стандартный ответ.

– Смысл вам и не надо видеть, для этого есть специалисты, от вас требуется только прислушаться к их мнению.

– Спасибо, я учту это. С личкой все в порядке, я могу идти?

– Подождите не торопитесь. Да что ж вы стоите, вот присядьте на кушетку, – он указал на больничную каталку стоящую в углу, над которой нависал отвратительный хобот иньектора.

– Спасибо, я насиделся в машине, лучше постою. – Кажется, это была не обычная проверка документов. Я начал беспокоиться. Еще три глубоких вдоха. Холодная вежливость. Она всегда меня выручает. И ни тени страха или раздражения.

Чиновник посмотрел на монитор сканера.

– Значит работаете на мусороперерабатывающем заводе, а образование то у вас имхо неплохое, два диплома, три языка и путешествовали много, раньше, само собой, пока к этому вопросу еще не относились как положено. А теперь, значит, делаете из мусора, эти самые,

корма для животных. Ну хотя б не имеете отметку о психической несостоятельности... Пока что.

Парень сделал многозначительную паузу. Мне было и страшно и смешно от его неуклюжих усилий быть похожим на сотрудника спецслужбы.

– А вот не хотели бы вы, Степан Тимофеевич, изменений к лучшему в вашей жизни. Ну там, хорошую работу, машинку поновее, может даже, это самое, красную личку?– закончил он благоговейным шепотом.

– Спасибо, но об этом не может быть и речи, я не намерен прививаться, – сказал я как можно тверже, но все же покосился на хобот.

– Ну что ж вы так сразу отказываетесь, Степа, – замурлыкал прививочник задушевым голосом, – в этом нет никакой необходимости. Распоряжением Правительства теперь на государственную службу могут приниматься и непривитые граждане. Само собой на специальные должности. Это очень ответственная и важная для нашего государства работа. Вы станете авторитетным человеком, в вашей Личной карточке сделают отметку, обозначающую вашу социальную значимость, возможно, вам даже разрешат время от времени выезжать из города на природу и, если будете безукоризненно соблюдать все условия, дадут разрешение на второго ребенка. И хотя у вас нет пока и первого, но поверьте, такие привилегии значительно увеличат ваши шансы обзавестись семьей. Подумайте, Степа, не надо прямо сразу ничего отвечать.

Я молчал. Мой социальный статус позволял мне принимать самостоятельные решения. Но за малейшую провинность мой статус мог быть изменен. И тогда все, конец. Пкгошник выдержал многозначительную паузу и произнес официальным тоном:

– Иди, Степа. Для выхода нужно приложить ЛК к черной отметке на двери. Подумай хорошенько. Мы не прощаемся. До свидания.

Во дворе родительского дома все было так же как и тридцать лет назад. Только теперь сам дом, двор и детская площадка во дворе, вернее то, что от нее осталось, выглядели не такими огромными, как в детстве. Даже две чахлые лиственницы, каким-то чудом сохранившиеся среди бионических уродцев, казались гораздо ниже и тоньше, чем раньше. Угрюмые дети, сопровождаемые робоньями, бродили по вольеру для выгула детей. Все было неказистым, везде была тоска, чудовищная тоска. А тут еще этот проклятый прививочник. Не надо про него думать, не надо никому ничего говорить. Может они сами отстанут. Откуда у них вообще берется фантазия непрерывно выдумывать что-нибудь новое. Ведь фантазия это сокровище непривитых, а эти законопослушные граждане – творческие импотенты. Стоп, вот оно в чем дело. Они берут нас на службу чтобы использовать наши творческие возможности! Ну уж нет, я на вас работать не буду, лучше глотать гарь на заводе. Хотя, интересно было бы узнать, как у них там на верху все устроено, чем они там дышат. Знать врага, знать его уязвимые места.

Что сказал бы отец? Нет, он не стал бы осуждать, он все понял бы, молча, не подавая виду, переживал бы за меня. Ведь и он в молодости стремился вверх, стремился вести, а не быть ведомым. Только жизнь была совсем другой, он мог смотреть, думать, делать не оглядываясь, не маскируясь. В его время быть самим собой не считалось роскошью. Самореализация, творчество – эти слова не были пустым звуком. Люди объединялись, создавали проекты, произведения искусства, ориентируясь исключительно на свой внутренний голос. Да, случались столкновения, возникали препятствия. Но не бетонные стены и одиночные камеры. Но отца уже нет. Он остался навсегда застывшим образом бунтаря, не боящегося оказаться один на один с системой, с толпой. Не боящегося быть не похожим на других. Дорожившим прозвищем чудака. И в то же время огромный светящийся сгусток любви, тепло которого я ощущаю всегда внутри себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.